

УДК 811.581' 25

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ДУ ФУ В КОНТЕКСТЕ ТЕМЫ ЖЕНСКОЙ СУДЬБЫ В КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

СКВОРЦОВ Арсений Владимирович,

кандидат технических наук,

магистр преподавания китайского языка как иностранного, доцент, докторант,
Нанькайский университет, институт литературы, факультет китайского языка;

КОНДРАТОВА Татьяна Ивановна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка, поэт, член Союза писателей России,
Московский городской педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В настоящей работе приводится новый поэтический перевод двух стихотворений Ду Фу: «Красавица» и «Грущу на берегу реки Цюй», дается литературоведческий анализ обоих стихотворений-переводов, а также представление о механизме, самом процессе перевода, который выполнялся в два этапа. Сначала стихотворение было переведено на русский язык дословно прозой. На втором этапе текст перевода приобрел эстетическую форму, которая будет понятна массовому русскому читателю.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: танская поэзия; Ду Фу; классический китайский язык; поэтический перевод.

NEW TRANSLATIONS OF DU FU POEMS ON THE TOPIC OF WOMEN'S FATE IN CHINESE POETRY

SKVORTSOV A.V.,

Cand. Technical Sci., Master of Chinese as a Foreign Language, Docent, PhD Student of the Department of Chinese Language and Literature, School of Literature, Nankai University;

KONDRATOVA T. I.,

Cand. Philolog. Sci., Docent of Chinese Language Department

Institute of Foreign Languages Poet, Member of the Writers' Union of Russia,
Moscow State Pedagogical University

ABSTRACT. The paper offers poetic translations of the two poems by Du Fu: "Beauty" and "Grief on the Bank of the River Qu". The paper also offers the literary analysis of both translations. There is also given a representation of the translation's mechanism. The translation is made in two steps. Firstly, the original text is translated into Russian literally in prose. At the second stage this translation is given in an aesthetic form that would be correctly estimated by Russian general readers.

KEY WORDS: Tang poetry; Du Fu; classical Chinese; poetic translation.

Творчество Ду Фу, одного из великих китайских поэтов не только эпохи Тан, но и всего последующего за ней периода истории, очень разнообразно по содержанию и форме. Поэт, воспитанный в духе строгого конфуцианства, в течение жизни обогатил свое мировоззрение идеями даосизма и буддизма. Блестяще образованный, он был одним из тех, кто вслед за Тао Юаньмином, стремился к своеобразному опрощению поэтического языка. Ду Фу проявил себя великолепным мастером и пейзажной поэзии, и поэтических дружеских посланий, и глубокой философской лирики. Значительная часть жизни поэта пришлась на тревожное, поистине трагическое для китайского народа время: гражданскую войну, последовавшую за восстанием Ань Лушаня и принесшую новые беды Поднебесной. Именно поэтому доминирующей темой в творчестве Ду Фу становится тема гражданская, патристическая: поэт пишет о бедствиях простых крестьян, о страданиях солдат, городского люда. И тема трагической женской судьбы является одной из составляющих этой магистральной творческой линии поэта.

Стремясь к достоверности в передаче трагедии разных социальных групп китайского общества, Ду Фу ищет и находит соответствующую теме форму, опираясь на опыт предшествующей поэзии. Так,

тема женской судьбы звучала и в древней книге песен «Шицзин», и в цикле «Девятнадцать древних стихотворений», в народных песнях юэфу, созданных и записанных в Ханьскую эпоху. Именно форма юэфу, на наш взгляд, особенно сильно повлияла на творчество Ду Фу, поскольку поэт начинает говорить о трагедии народа языком самого народа. Таким образом, вместо лирического героя, являющегося образом человека, который лишен социального портрета, на первый план выдвигается лирический персонаж, наделенный не только своеобразным мировидением, но и узнаваемыми социальными характеристиками. Такая форма выражения авторского сознания в поэзии тесно связана с лиро-эпической традицией [2, с. 32], когда события, вызвавшие изображенные в стихотворении чувства, не остаются за рамками лирического сюжета. Напротив, они и являются главным предметом изображения, «лирическим способом овладения эпическим материалом» [3, с. 80]. По сути, перед читателем разворачивается лирический рассказ о событиях, переданный одним из их участников. Поэт, как правило, маркирует стихию речи лирического героя (близкого к авторскому сознанию) и лирического персонажа, обычно принадлежащего к одной из социальных групп. Так, в стихотворении «Красавица», поэт представляет героиню, история которой далее будет рассказана ею самой. Жизнь и судьба красавицы необычна: рожденная в благородном семействе, она ведет отшельническое существование:

© Скворцов А.В., Кондратова Т.И., 2019

Информация для связи с авторами: id.skvortsov2012@yandex.ru

Девушка редкой красоты одиноко в пустынном ущелье живет.

Говорит, благородных кровей, но теперь лишь деревья соседи ее.

Рассказ красавицы о причинах личной трагедии не только дает представление о самом страшном бедствии времени – гражданской войне, но и позволяют увидеть коренные черты женского национального характера. Героиня главной причиной несчастья называет войну, ее разрушительные последствия. Воспитанная в конфуцианской традиции почитания предков, культа семьи, она трагически переживает невозможность выполнить долг почтительной дочери, сестры:

Смута с войною пришли в Гуаньчжун, все мои братья убиты.

Прах их донныне не предан земле, доблести предков забыты.

Лишившись семьи, героиня чувствует беззащитность, сравнивая свою жизнь с колеблющимся светом свечи, который зависит от ветра: «Жизнь моя словно свеча, чей огонь пляшет с порывами ветра».

Но трагедия героини имеет еще одну причину: равнодушие мужа, увлеченного новой супругой. Обычная полигамная форма семейных отношений тоже отразилась в восприятии мира героиней стихотворения: она досадует не на сам факт появления второй жены, но на изменчивость мужа, ставшего безразличным к первой красавице:

Ветренный муж мой: вторую жену взял он – та яшмы прекрасней.

Плач мой не слышит теперь господин: с новой женой делит счастье.

Мотив женской обиды не был новым для китайской поэзии того времени, он присутствовал и в «Девятнадцати древних стихотворениях», но с особой трагизмом он прозвучал в «Песне о моей обиде» ханьской поэтессы Бань Цзюй, сравнившей любовь государя к наложнице с веером, который нужен лишь в жару, зимой же о нем забывают. Особенность развития этого мотива у Ду Фу заключается в том, что личная семейная трагедия героини показана на фоне трагедии всего народа, всего государства. Но именно этот интимный мотив получает дальнейшее развитие в страданиях героини. Пристально наблюдая за окружающим ее миром природы, красавица видит, что по законам естественной жизни все вокруг соединено в пары, соответствует установленным небом правилам:

Даже цветы знают жизни черед: ночью уснула магнолия.

Вот мандаринок пара плывет – спать друг без друга легко ли им?

Мысль об одиночестве и неприкаянности усиливает страдания героини. Ее внутренний мир предстает через образ родника, с которым она себя сравнивает. Антитеза «прозрачный – мутный» призвана показать контраст между жизнью героини раньше и сейчас:

Я как родник, что стекает с горы чистой хрустальной водицей.

Гору покинул – цвет изменил: мутным потоком струится.

«Прозрачный» ассоциируется с надеждами на будущее, счастьем, светом – «мутный» с безнадежностью, несчастьем, темнотой.

Финал рассказа красавицы очень прозаичен: от осмысления своей судьбы она переходит к бытовым деталям, к прозе жизни: нищете, холоду, незащищенности, ежедневным будничным заботам: «С

рынка вернулась служанка домой. Проданы ценные вещи. Можно лачугу теперь починить...» «У Ду Фу наблюдается тяготение к предметной основе образной ткани, стремление передать отвлеченные представления в виде конкретных» [4, с. 13]. Повседневная нужда не оставляет места обычным женским привычкам, тяжелая жизнь заставляет красавицу забыть о своей красоте: «В волосы больше цветов не вплетать – охажки собрать кипариса». Финальный аккорд стихотворения трагичен и оптимистичен одновременно: «В сумерках холодно бедной стоять, к бамбуку спиной прислонившись». Образ бамбука, символизирующего уже в древней китайской поэзии силу и стойкость, вносит в финал особый оттенок: обиженная судьбой, одинокая, несчастная красавица вместе с тем является воплощением стойкости и силы. Поэт не конкретизирует причину ее переселения в пустынное место; мы не знаем, добровольно ли ее отшельничество или героиню вынудили удалиться, уйти из семьи. Недокананность усиливает ощущение трагизма судьбы красавицы, дает возможность читателю найти различные мотивации этой ситуации.

Ду Фу в стихотворении показал трагедию женщины, вычеркнутой из привычной жизни, но не сломенной окончательно. Красавица Ду Фу воплощает лучшие черты китайского женского национального характера: трудолюбие, стойкость к преодолению трудностей, почтительность. Поэту удалось опоэтизировать, наполнить лирическим чувством совершенно прозаическую ситуацию, вызвать сострадание к судьбе героини и восхищение ее душевной силой.

Поэзия Ду Фу демократична в самом широком смысле, потому что поэт показал трагизм судеб в военное время и бедных, и богатых. В стихотворении «Грущу на берегу реки» преобладает лирическое начало. События же, вызвавшие переживания лирического субъекта, не воспроизводятся в связном последовательном рассказе, они появляются ретроспективно как свободные воспоминания. Однако тип авторского сознания, объединяющий стихотворение, все же близок к лирическому персонажу:

Старый крестьянин идет вдоль залива;

Глотая слезы, беззвучно плачет.

По берегу Цюй зеленеют ивы,

Но всё в запустенье. Что ж это значит?

В воспоминаниях старца оживают картины прошлого: глядя на разоренные войной здания, он вспоминает мирную счастливую жизнь:

Для кого зеленеть молодым деревьям?

Ворота дворцов и палат на запорах.

А помнится в парк тот, в былое время

Государь приезжал поскакать на просторе.

Речь идет об императоре Сюань-цзуне и его любимой наложнице Ян-гуэфэй. Ду Фу в стихотворении «Грущу на берегу реки» не акцентирует внимание на тех отрицательных сторонах правления императора, которые и привели к бунту, восстанию: это, прежде всего, забвение государем своих прямых обязанностей, передача неограниченной власти в руки Яна Гочжуна – брата его драгоценной супруги. В этом стихотворении социальная проблематика уходит на дальний план, вперед выступают морально-этические проблемы. В этом смысле стихотворение можно считать началом поэтизации образа Ян-гуэфэй, которая найдет завершение в поэме Бо Цзюйи «Вечная печаль». Ду Фу создает образ прекрасной наложницы, самого близкого Сюань-цзуну человека:

Прекраснее всех наложниц в гареме,
Сидела гуэфэй с императором рядом.
Далее следует образ, построенный по законам психологического параллелизма – приема, характерного для народной китайской поэзии:

Всадник будто играет стрелой:
Облако в небе шутя он пронзает,
Легко расстается еще с одною
И сразу пару птиц убивает.

Образ стрелы, убившей сразу двух птиц, коррелирует в данном случае с дальнейшей судьбой императора и его возлюбленной:

Но где же теперь красавица эта?
Душа неприютна, в кровавых пятнах,
Где-то бродит в подлунном свете,
Но в мир живых не вернется обратно.

Смерть Ян Юйхуань, любимой наложницы императора, бесспорно, вызывает у поэта сострадание, ведь она была удушена шелковым шнурком по приказу императора, уступившего требованиям составших солдат, которые считали причиной всех бед семью Ян. Поступок императора предстает в стихотворении как неизбежность – здесь нет осуждения его слабости. Поэтический хронотоп стихотворения характеризуется наличием нескольких антитез: прошлое – настоящее, мир живых – мир мертвых, пространственных координат: восток – запад, юг – север: «А воды Вэй текут на восток <...> путь государя на запад пролег», «Она ушла – он по-прежнему здесь, в мире живых император остался», «Идет на юг, но на север глядит». Поэт пытается найти связь между мирами, пытается понять сущность смерти. Причем, он не меняет традиционные координаты мироустройства, характерные для мифологического сознания китайцев, которые царство мертвых, владения Сиванму, представляли на западе: именно туда держит путь император, приближаясь к смерти.

Контраст между прошлым и страшным настоящим особенно сильно звучит в заключительных строках стихотворения:

Таблица 1 – Сопоставление текста-первоисточника («Красавица» Ду Фу) с его прозаическим и поэтическим переводами

Текст первоисточника	Прозаический перевод	Поэтический перевод
绝代有佳人，幽居在空谷。	Девушка необыкновенной красоты в уединении живет в пустынном ущелье	Девушка редкой красоты одиноко в пустынном ущелье живет
白云良家子，零落依草木。	Она рассказывает о себе, что имеет благородное происхождение, однако ее семья пришла в упадок, и ей пришлось переселиться [в пустынную местность,] где одни деревья да травы	Говорит, благородных кровей, но теперь лишь деревья соседи её
关中昔丧乱，兄弟遭杀戮。	Ранее в район Гуаньчжуна пришла война и смута, и все мои братья были убиты	«Смута с войною пришли в Гуаньчжун, все мои братья убиты
官高何足论，不得收骨肉。	О том, что [мой родитель] занимал [в свое время] высокий пост, даже и говорить не стоит: у нас нет возможности даже предать земле тела моих братьев	Прах их доныне не предан земле, доблести предков забыты
世情恶衰歇，万事随转烛。	Мир так устроен, что все гнушаются впадшими в бедность [и осиротевшими]. Все мои дела можно сравнить с огнем свечи, колеблющимся в разные стороны под порывами ветра	Мир так устроен: гнушаются все сирым, убогим и бедным. Жизнь моя словно свеча, чей огонь пляшет с порывами ветра
夫婿轻薄儿，新人美如玉。	Муж мой оказался несерьезным человеком. Он женился на другой девушке, прекрасной, словно яшма	Ветренный муж мой: вторую жену взял он: та яшмы прекрасней
合昏尚知时，鸳鸯不独宿。	Даже цветы магнолии и те ведут себя предсказуемо [утром раскрываются, а ночью закрываются.] И даже мандаринки верны друг другу и никогда не спят порознь [никогда не разлучаются]	Плач мой не слышит теперь господин: с новой женой делит счастье
但见新人笑，那闻旧人哭。	Мой же муж замечает лишь радость своей новой подруги и не слышит плача первой жены	Даже цветы знают жизни черед: ночью уснула магнолия. Вот мандаринок пара плывет – спать друг без друга легко ли им...

В сумерках пыль столбами стоит,
Варвары в город въезжают.
Идет на юг, но на север глядит
Старец из Шаолина и тяжело вздыхает.

Кольцевая композиция стихотворения позволяет соотнести трагедию императорской семьи со страданиями всего народа. Старец из Шаолина способен понять всю несправедливость, жестокость судьбы прекрасной наложницы Сюань-цзуна, выразить неподдельное сострадание.

Стихотворения Ду Фу «Красавица» и «Грущу на берегу реки», переводы которых представлены в нашей работе, стоят в одном ряду с такими известными стихотворениями поэта, раскрывающими тему трагической женской судьбы, как «Прощание новобрачной» [1, с. 57], «Стирка» [1, с. 66], «Стихи о женщинах, собирающих хворост» [1, с. 120-124]. Раздумья Ду Фу о судьбах несчастных, обездоленных, несправедливо обиженных неизменно согреты искренним чувством, именно поэтому они до сих пор трогают сердца читателей, вызывая ответное сострадание.

Перевод стихотворений с классического китайского языка вэньянь на русский представляет собой очень сложную задачу. В связи с этим она решалась в два этапа. На первом переводчик, знающий вэньянь, (А.В. Скворцов) сделал прозаический перевод обоих стихотворений. При этом с семантической точки зрения текст перевода максимально близок к тексту первоисточника. В процессе перевода стихотворений использовался их перевод на современный китайский язык, представленный в сборнике стихов Ду Фу [1, с. 51-54]. На втором этапе поэт (Т.И. Кондратова) на основе прозаического перевода выполнила поэтический перевод этих же стихотворений, придав тексту перевода необходимую эстетическую форму и стараясь при этом по мере возможности сохранить неизменным содержание текста первоисточника. Процесс перевода обоих стихотворений проиллюстрируем таблицами 1 и 2.

Текст первоисточника	Прозаический перевод	Поэтический перевод
在山泉水清，出山泉水浊。	Мое состояние можно сравнить с родником, который, протекая в горах, был чист, а после того как покинул горы, стал мутным	Я как родник, что стекает с горы чистой хрустальной водичей: Гору покинул – цвет поменял: мутным потоком струится
侍婢卖珠回，牵萝补茅屋。	Служанка, продав мои драгоценности, вернулась домой. Можно будет приступить к починке нашей лачуги с помощью лоз и тростника	С рынка вернулась служанка домой. Проданы ценные вещи
摘花不插发，采柏动盈掬。	Сорванные цветы я не заплетая в косы [дословно: в волосы], но вместо этого собираю полные охапки кипарисовых ветвей	Можно лачугу теперь починить – тростник под рукою трепещет. В волосы больше цветов не вплетать – охапки собрать кипариса
天寒翠袖薄，日暮倚修竹。	Похолодало. Одежда же моя худа. В сумерках стою, прислонившись спиной к высокому бамбуку	В сумерках холодно бедной стоять, к бамбуку спиной прислонившись»

Таблица 2 – Сопоставление текста-первоисточника («Грущу на берегу реки» Ду Фу) с его прозаическим и поэтическим переводами

Текст первоисточника	Прозаический перевод	Поэтический перевод
少陵野老吞声哭，	Старый крестьянин из Шаолина (Дуфу о себе) беззвучно плачет, глотая слезы	Старый крестьянин идет вдоль залива
春日潜行曲江曲。	Весенним деньком он в тайне ото всех вышел прогуляться вдоль берега залива реки Цюй	Глотая слезы, беззвучно плачет
江头宫殿锁千门，	Многочисленные ворота дворцов и палат на берегу реки закрыты	По берегу Цюй зеленеют ивы, Но всё в запустенье
细柳新蒲为谁绿？	Для кого зеленеть молодым побегам ив?	Что ж это значит? Для кого зеленеть молодым деревьям? Ворота дворцов и палат на запорах
忆昔霓旌下南苑，	Помнится, когда прежде император отправлялся в южный парк (на охоту)	А помнится, в парк тот в былое время Государь приезжал поскакать на просторе
苑中万物生颜色。	Все в парке преобразалось	
昭阳殿里第一人，	Лучшая наложница из проживающих во дворце Чжаоян (здесь и далее речь идет о Ян-гуйфэй)	Прекраснее всех наложниц в гареме
同辇随君侍君侧。	ехала с императором в одном экипаже и прислуживала своему государю	Сидела гуйфэй с императором рядом
辇前才人带弓箭，	Перед экипажем скакали талантливые охранники с луками и стрелами	Вокруг охрана: в руках луки, стрелы
白马嚼啮黄金勒。	На белых конях, грызущих золотые удила	На белом коне, с горделивым взглядом
翻身向天仰射云，	Охранник разворачивается и пускает в небо стрелу, пронзающую облако	Всадник будто играет стрелю: Облако в небе шутя он пронзает
一笑正坠双飞翼。	Одна стрела сбивает сразу пару птиц	Легко расстается еще с одной И сразу пару птиц убивает
明眸皓齿今何在？	Куда же теперь делась эта красавица?	Но где же теперь красавица эта?
血污游魂归不得。	Ее бесприютная душа, вся в кровавых пятнах, не может вернуться (в мир живых)!	Душа бесприютна, в кровавых пятнах, Где-то бродит в подлунном свете, Но в мир живых не вернется обратно
清渭东流剑阁深，	Чистые воды реки Вэй(на берегу которой похоронена прекрасная наложница) текут на восток. Император (Сюаньцзун) же скачет на запад все дальше и дальше от своей возлюбленной	А воды Вэй текут на восток – Чистые и прекрасные. Путь государя на запад пролет – Дороги теперь у них разные
去住彼此无消息。	Она ушла. Он с нами, здесь. Меж ними оборвалась связь	Она ушла – он по-прежнему здесь, В мире живых император пока. Но связь между ними всё еще есть, Иль тонкая нить уже не крепка?

Текст первоисточника	Прозаический перевод	Поэтический перевод
人生有情泪沾臆，	Люди по природе своей наделены чувствами. (У императора? У автора?) от слез промокла на груди рубашка	Чувства природой всем нам даны: От слез промокла одежда
江水江花岂终极！	Но цветы и травы на берегу реки не знают, что такое смерть!	Но знают ли травы, знают цветы, Что рядом смерть, что неизбежна?
黄昏胡骑坐满城，	В сумерках конные варвары наводняют город. Пыль, ими поднятая, стоит столбом повсюду	В сумерках пыль столбами стоит: Варвары в город въезжают
欲往城南望城北。	Я иду в южную часть города, однако все время оборачиваюсь назад и смотрю в противоположном направлении (туда, где прежде проживал император)	Идет на юг, но на север глядит Старец из Шаолина и тяжело вздыхает

Представленные выше таблицы 1 и 2 демонстрируют соответствие и расхождение поэтических смыслов отдельных стихов. Соответствий, бесспорно, больше, однако некая трансформация смысла все же неизбежна, поскольку переводчик, избрав определенную эстетическую форму: ритм, рифму – следует ей, изменяя отдельные лексемы, словосочетания в угоду формальной оболочке, в данном случае создающей благозвучие. Задача поэта – при всей неизбежной трансформации содержания за счет подчиненности законам эстетической формы сохранить максимальную концентрацию смысла. Этим и объясняются определенные несоответствия смысла, представленные в таблице. Так, в таблице 1 мы видим, что содержанию стиха 7 в прозаической переводе соответствует стих 8 в поэтическом и наоборот – 8 – 7. Объясняется это тем, что тема измены мужа, начатая в стихе 6, в поэтическом переводе логически продолжается в следующем стихе. А мотив парной соотнесенности всех явлений природы (стих 7), в оригинале разделяющий 6 и 8 стихи (мотив измены мужа), становится в переводе началом новой темы.

Поэтический перевод непременно сопряжен с опущением фрагментов первоисточника. Например, таблица 2 дает представление об изменениях некоторых стихотворных строк. Мы видим, что опущены следующие фрагменты: «Все в парке преобразалось»; «на конях, грызущих золотые удила». Переводчик также непременно добавляет часть фрагментов от себя. В нашем случае добавлены следующие фрагменты: «Легко расстается еще с одною»; «где-то бродит в подлунном свете»; «дороги

теперь у них разные»; «иль тонкая нить уже не крепка?». «На север глядит / Старец из Шаолина и тяжело вздыхает». В последнем стихе перевода появляется географическая характеристика (из Шаолина), в тексте оригинала она присутствует в самом начале стихотворения, в стихе 1. Следовательно, характеристика лирического персонажа, глазами которого Ду Фу смотрит на мир, в целом сохраняется в переводе.

Таким образом, указанные выше изменения не противоречат содержанию оригинала. В качестве единственной неточности можно заметить, что в стихотворении-первоисточнике охранник одной стрелой сбивает сразу пару птиц, тогда как в художественном переводе охранник стреляет дважды. Однако эта неточность допускается намеренно, в угоду эстетической форме, благозвучию: подчиняется рифме «стрелю — одною». Однако общий смысл этого фрагмента не искажен: одна стрела, убившая двух птиц сразу, – это трагедия императора, для которого смерть его любимой стала и собственной смертью.

Приведенные в данной статье новые переводы стихотворений Ду Фу свидетельствуют о неоднозначности взглядов поэта на социальные и политические события одного из самых драматических периодов эпохи Тан – на восстание Ань Лушаня и его последствия. Они также дополняют представление об идеальном женском китайском характере, созданном в многогранном творчестве поэта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ду Фу. Лирика [Текст] / Фу Ду. – Л.: Художественная литература, 1967. – 176 с.
2. Кондратова, Т.И. Анализ лирического произведения: учебное пособие по спецкурсу [Текст] / Т.И. Кондратова. – Коломна: МГОСГИ, 2013. – 90 с.
3. Корман, Б.О. Изучение текста художественного произведения: учебное пособие [Текст] / Б.О. Корман. – М.: Просвещение, 1972. – 113 с.
4. Серебряков, Е. Предисловие [Текст] / Е. Серебряков // Ду Фу. Лирика. – Л.: Художественная литература, 1967. – 176 с.
5. 倪其心, 吴鸥. 杜甫诗选. — 南京: 凤凰出版社, 2017. 187页. Ни Цысинь, У Оу. Ду Фу шисяюань: сборник стихотворений Ду Фу [Текст] / У Оу Ни Цысинь. – Нанкин: Фэнхуан чубаньшэ, 2017. – 187 с.